

Анатолий Юрченко

Игра в куклы по-взрослому
Комедия на грани фарса и трагедии

Автор благодарит профессора сценографии Павла Босого за идею превращения монопьесы в кукольный спектакль.*

*(*В то же время, по мнению автора, пьеса имеет право на постановку не только на сцене театра кукол.)*

1. Абсолютно все события и действующие лица вымышлены, любые совпадения могут носить только случайный характер.

2. В пьесе использованы юмористические и иронические произведения, опубликованные автором в разные годы.

Действующие лица (по мере появления на сцене)

Александр Федорченко, журналист (артист живого плана и кукла).

Он же, но на тридцать лет моложе (**молодой Федорченко**).

Главный редактор (артист живого плана и кукла).

Посетительница, около 60 лет (артистка живого плана).

Василий Азалеvский, поэт (кукла).

Нинель Владимировна (артистка живого плана и кукла).

Степовой, режиссёр (кукла).

Сергей Васильевич (артист живого плана).

Место действия

Город Н. Н-ский театр, ведущий свою историю, как принято считать, с дореволюционных времён, готовится с помпой отпраздновать очередной юбилей. Действие пьесы происходит в редакции местной газеты. На сцене – выгородка, изображающая угол редакционного кабинета: стол со стоящими на нём ноутбуком и телефоном, два стула (один из них – для посетителей), стеллаж с книгами, блокнотами, газетными подшивками и т.д. В другом углу – кожаный диван, перед которым стоит журнальный столик. На стенах

– календарь, зеркало, карта автомобильных дорог, самодельные (сделанные с помощью компьютера и распечатанные на принтере) плакатики:

Театр – террариум единомышленников.

Последний акт всемирно-исторической драмы – комедия.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Театр начинается с вешалки, но главное в нём – буфет.

Не можешь сделать под редактора? Делай под себя!

Театр одного вахтёра – альтернатива театру одного зрителя.

Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно ходить в памперсах.

Не стреляйте в пианиста – он играет, как умеет.

Если ты проснулся знаменитым, значит, ты уже умер.

Плакатики не умещаются на стенах кабинета и расплозаются по всему пространству сцены. Место для игры актёров – это собственно редакционный кабинет, остальная часть сцены (мир за стенами редакции) и зрительный зал.

Действие первое

*Пока зрители заполняют зал, на сцене в живом плане уже работает артист, исполнитель роли **Федорченко**. Сидя за столом, стучит по клавиатуре ноутбука – пишет. Время от времени встаёт из-за стола, ходит, размышляя, по кабинету, роется в блокнотах и подшивках, лежащих на стеллаже, возвращается к столу, чтобы набрать очередной фрагмент статьи.*

Третий звонок. По залу идёт человек в шутовском колпаке (актёр – исполнитель роли молодого Федорченко).

АКТЁР. В театр хорошо ходить с цветами. В театр хорошо ходить с цветами. (*Идёт к сцене, раздавая цветы зрителям.*) В театр хорошо ходить с цветами. (*Примечание: здесь и далее этот текст может звучать как «закадровый голос».*) И вообще: ходить в театр – это хорошо. Потому что ходить в театр – это хороший тон. А не ходить – дурной. И только тот, кто ни разу не был в театре, никогда не поймёт, почему ходить в театр – хорошо, а не ходить – плохо...

На сцене, на столе Федорченко, начинает пиликать мобильный, сигнализируя о поступлении СМС.

ФЕДОРЧЕНКО (*читает СМС, хватается за обычный телефон, набирает номер*). Сергей Васильевич, это Федорченко, здравствуйте. Получил вашу СМС. Чуть подробнее, пожалуйста, – зачем меня завтра ждут в управлении культуры?.. Что? (*С размаху бьёт ладонью по столу.*) Что за звук? Это я со стула упал. Спасибо, мне удобно. Вот лежу на полу и с вами разговариваю. Вы сейчас ещё чем-нибудь ошарашите, а я уже и так лежу... Да нет, говорите. Я же сказал – мне удобно, дальше падать некуда... Губернатор дал команду написать пьесу к юбилею театра? Управление кипятком... понимаете ли?.. А я тут при чём?.. Сам знаю, что у меня две пьесы. Первую так и не поставили. Был режиссёр, который уже совсем было собрался, – бац, и умер. Вторую... Другой режиссёр её только прочёл – бац, реанимация. Представляете, что будет, если я третью напишу?.. Да, конечно, чёрный юмор – что мне ещё остаётся! Но если я завтра в управлении культуры эту историю расскажу? Горбенко за сердце схватится, Березовской «скорую» вызовут, вас там не будет?.. И правильно – берегите себя... Сергей Васильевич! Я готов говорить серьёзно. В отличие от вас. Я просто не в теме!.. Да знаю, как не знать, сидели себе в некоем провинциальном городке два мелких чиновника. А когда совсем уже допекли рутина и канцелярщина... Как вы думаете, что со мной сделают, если я такое напишу? Тут же начнётся: кощунствует! Только я не кощунствую. Я их как раз понимаю! Я, может, и свои пьесы написал, потому что дошёл до точки: или в петлю – или пьесу... Вы готовы помочь?.. И Шабанов?.. Своими вырезками из газет? Да мне месяца четыре понадобится, только чтобы материалы изучить... Ладно, представьте себе, с вашей помощью, с помощью Шабанова я напишу самую гениальную пьесу – а наш театр возьмёт да испортит. Кому заорут «позор»? Театру или автору?.. Ничего страшного – вот сейчас встану с пола и отправлю в управление электронное письмо: «спасибо» и «извините». До свиданья (*начинает отстукивать на клавиатуре электронное письмо*).

АКТЁР И очень хорошо, если вы идёте в театр. Да ещё с цветами. Это сразу поднимает вас в собственных глазах. И в театре вам – хорошо. Потому что в театре – свой особый воздух. Как говорят знатоки – атмосфера. В рыбном магазине, к примеру, такой атмосферы нет. И в парфюмерном – нет. В троллейбусе – нет. У вас дома – никогда не было! А в театре – есть. И вы сидите на своём законном месте, согласно купленному билету, и вдыхаете атмосферу.

Никто вас не толкает, не отпихивает, не бьёт локтем под дых, не давит, не дышит в лицо перегаром, не ставит на голову чемоданы, не хватается за хлястик, не виснет... Хорошо...

(По ходу этого монолога актёр поднимается на сцену, входит в выгородку, снимает колпак, преображается в молодого Федорченко.)

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Так вот ты какой стал, Александр Юрьевич! *(Походит к зеркалу, рассматривает своё отражение.)* Тридцать лет назад я и подумать не мог, что буду таким.

ФЕДОРЧЕНКО *(всматривается, узнавая самого себя)*. Каким – таким?! Брось придуриваться, Сашка! И в зеркало нечего смотреться – не барышня! Я и без зеркала помню, каким был тридцать лет назад. И не так уж сильно изменился, не придумывай! Лучше сразу говори, чего припёрся! Видишь же – пишу, не до тебя!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ты смотри! А темперамент всё тот же! Знаешь, обнадёживает. Подумаешь тридцать лет! Зато темперамент. Хватка! Глаза по-прежнему молодые! Работоспособность! Ты же пишешь, а сам всё время меня вспоминаешь. Ну... в смысле самого себя... тридцать лет назад... Вот я и здесь. Кстати, я все твои замечательные качества перечислил? Или есть ещё что-нибудь?.. Чего сразу не увидишь?..

ФЕДОРЧЕНКО. На что намекаешь?! Что у меня раздвоение личности? Сам себе молодым мерещусь?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Мысль, конечно, занятная!.. Интересно, а когда в тебе голос совести говорит – тоже думаешь, что это раздвоение личности?

ФЕДОРЧЕНКО. Ах, так ты, оказывается, моя совесть?! Сам наворотил дел тридцать лет тому назад, а теперь – совесть!..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А с совестью такое случается – она и через тридцать лет проснуться может. И, кстати, ты это всегда знал, нечего в слова играть. Иди сам в зеркало посмотришься. И сам себе и скажи, кто и чего наворотил...

ФЕДОРЧЕНКО. Ладно, Сашка, ладно, я это и наворотил. И хватит! Я – работаю. А ты знай своё место...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ты прав. Граждане, занимайте места согласно купленным билетам! *(Выходит на авансцену, садится на краешке, свесив ноги в партер, преображается в актёра, читающего «закадровый текст».)*

АКТЁР. Очень хорошо, когда у человека есть своё законное место. Даже в поезде на вашем месте уже может кто-нибудь сидеть. Даже в поезде кто-то будет размахивать точно таким же билетом, как у вас, на то же самое место. А в театре – нет. И вам хорошо. Хотя вы никуда и не уезжаете. И хорошо, что постепенно гаснет свет. Иначе кто-нибудь мог бы заметить, каким беззащитным вдруг стало ваше лицо. С таким лицом на свету (или вообще на свете?) просто нечего делать. Даже в театре. И хорошо, что открывается занавес и теперь все могут смотреть не на вас, а на актёра, который выходит на сцену и подаёт первую реплику...

ФЕДОРЧЕНКО (*просматривает на экране ноутбука то, что успел написать, снова снимает трубку телефона, набирает номер*). Здравствуйте, Нинель Владимировна. Да, Федорченко... Пишу. Главный редактор захотел статью о нашем театре. Да, к юбилею. Но такую – системную... Упаси Бог. Никого из великих! Забудьте, что вы искусствовед. Помните, как ушёл главный режиссёр Кравченко и пришёл на его место Степовой?.. Какие «сто лет»? Самое большее тридцать. И мы с вами ещё вполне... ещё можем... что-нибудь вспомнить. Тем паче оба как бы причастны. Что-то там варилось между Кравченко и Степовым, а мы с вами, как два заговорщика... Что меня беспокоит? То, о чём я, мальчишка, тогда не задумывался. Мне казалось – благое дело. Но когда оглядываюсь на него – знаете, что чудится? Рука режиссёра. Может быть, самого Степового. Может быть... не знаю. А мы с вами, словно две марионетки, сыграли заранее срежиссированную пьесу, нас дёртали за ниточки, а мы воображали себя живыми персонажами, от которых что-то зависит. А возможно, и сам Степовой был такой же марионеткой, и его кто-то дёргал за ниточки... Вы мне предложили тему, я как раз подумывал о статье – о состоянии культуры в городе. И решил: лыко в строку... А как «ушли» самого Степового, помните? А череду режиссёров после него? А чехарду с директорами?.. Нет, Нинель Владимировна, я ещё только приближаюсь к возрасту мудрости. Но если я, сегодняшний, чувствую подвох, я должен хотя бы попробовать докопаться... Да, жаль... Это я прошу меня извинить. До свиданья.

Кладёт трубку. В кабинет входит главный редактор.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Что за чертовщина, Александр Юрьевич? Почему телефон постоянно занят? Где обещанная статья?

ФЕДОРЧЕНКО (*невозмутимо, набирая на клавиатуре текст*). Работаю, Евгений Николаевич.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Но вы же понимаете, что она идёт в номер! Я запланировал под неё две полосы, завтра утром она должна быть на вёрстке!

ФЕДОРЧЕНКО (*невозмутимо*). Будет.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. А я когда её буду читать? Мне уже идти пора!

ФЕДОРЧЕНКО (*невозмутимо*). Если хотите, сегодня же. Пришлю электронной почтой.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Хорошо. Пришлите. А почему других журналистов нет на месте?

ФЕДОРЧЕНКО (*невозмутимо, продолжая набирать текст*).

Потому и нет, что вы мне две полосы отдали.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (*смеётся*). Ладно, Александр Юрьевич, успеете?

ФЕДОРЧЕНКО (*невозмутимо*). Не первый день замужем – ну задержусь, если будет нужно, на часок-другой.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Ладно, Александр Юрьевич, удачи! До свиданья (*выходит*).

ФЕДОРЧЕНКО. До свиданья. (*Снова снимает трубку телефона, набирает номер*). Сергей Васильевич... Да, спасибо, с пола уже встал. А что, опять придётся падать?.. Я про идею пьесы. Они что, всерьёз думают, если написать и поставить пьесу о славном прошлом, всё разом изменится в настоящем?.. Конкурс?.. Ну, раз деньги обещаны, борзописцы найдутся. Только, боюсь, никто и не вспомнит, что на самом-то деле это был живой театр, а не музейный экспонат. Живые люди, которые влюблялись, ссорились, негодовали, прощали, а может, и не прощали, которым нужно было есть, пить, зарабатывать деньги. Боюсь, потащат на сцену хрестоматийные картинки. Восхищённый Лев Толстой беседует с нашей актрисой-легендой... Где они тогда гастролировали – в Москве, наверно? И выйдет на сцену извлечённый из нафталина Толстой – персонаж музея восковых фигур. Есть там такой, с длинными волосами, осталось бороду приклеить. А из другого музея – актриса-легенда... Ну и куда вы меня толкаете?.. Да? Спасибо, что верите, но... даже если Шабанов засыплет меня газетными вырезками с головы до ног, а вы обложите со всех сторон монографиями... Проще спичку бросить. Представляете картину? Стоит человек, обсыпанный бумагой, обложенный монографиями, – и только одна спичка!.. Джордано Бруно, гибнущий на костре за идею живого театра... Да нет, Сергей

Васильевич, это я сгоряча, конечно, а мне писать нужно – статья на компьютере стынет. До свиданья. *(Возвращается к работе.)*

Входит посетительница.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Здравствуйте, можно?

ФЕДОРЧЕНКО *(не отрываясь от работы)*. Здравствуйте. Вы к кому?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. В газету.

ФЕДОРЧЕНКО. Уже нет никого.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. А вы?

ФЕДОРЧЕНКО. Я... У меня работа срочная.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. А вы – Александр Юрьевич? Да? Мне сказали, если кто и поможет – только вы...

ФЕДОРЧЕНКО *(неохотно отрываясь от работы)*. Завтра приходите. Хорошо?..

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА *(начинает плакать)*. Я до завтра не доживу...

ФЕДОРЧЕНКО. Садитесь. Что случилось?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА *(рыдая)*. На меня сосед порчу наводит...

Сцена погружается в полумрак. Задник превращается в экран театра теней. Внизу, не в силах вырваться за рамки экрана, в ужасе мечется маленькая женская фигура. Огромная мужская фигура, возвышаясь над ней, делает руками страшные пассы, от которых фигурка безуспешно пытается увернуться. Диалог продолжается на этом фоне.

ФЕДОРЧЕНКО. Прекратите плакать! Чем вам газета поможет?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА *(сквозь рыдания)*. А вы про него напишите – он испугается и перестанет!

ФЕДОРЧЕНКО. Голубушка! Да газета только послезавтра выйдет! В милицию идите, сейчас же!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Была я в милиции, участковый приходил – не испугался он! Наоборот – сегодня же, чувствую, в гроб меня сведёт!..

ФЕДОРЧЕНКО *(успокоительно)*. Ну тогда в церковь – к батюшке.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. А он испугается?

ФЕДОРЧЕНКО. Кто? Батюшка?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Нет, сосед. Он батюшки испугается?!

Александр Юрьевич, дорогой мой человек, газета ведь лучше! Её ведь все боятся!

ФЕДОРЧЕНКО. Как вас зовут?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Степанида Маркеловна... А... зачем?..

ФЕДОРЧЕНКО. Ну должен же я знать, как к вам обращаться.

Степанида Маркеловна. Я же сказал: газета выйдет только послезавтра. Нужна вам будет эта публикация... посмертно?..

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да что вы такое говорите, Александр Юрьевич! Какое ещё... посмертно?! Как такое можно говорить! Посмертно! Не будет – посмертно! Я уже всё придумала! Я сейчас от вас домой приду и скажу ему, этому чёрному человеку, что про него сам Александр Юрьевич в газете напишет!

ФЕДОРЧЕНКО. Думаете, поможет?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Конечно.

ФЕДОРЧЕНКО. Нет, Степанида Маркеловна, мы иначе сделаем. *(Встаёт из-за стола, поворачивается к экрану, делает несколько пассов.)* Уймись, чёрный человек! Оставь в покое Степаниду Маркеловну. Изыди! *(Большая фигура на экране тускнеет и исчезает, женская фигурка – прекращает метаться, экран медленно гаснет, на сцене загорается полный свет.)* Вот и всё, Степанида Маркеловна. Можете спокойно идти домой.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. И сказать соседу?

ФЕДОРЧЕНКО. Наоборот! Соседу – ни слова, а то не поможет! Идите! До свиданья!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА *(в прострации встаёт со стула, уже выходя, вдруг оборачивается)*. А если через какое-то время он опять начнёт?..

ФЕДОРЧЕНКО *(обречённо)*. Придёте снова...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО *(продолжая сидеть на авансцене)*. Ну ты даёшь, Александр Юрьевич, гений!

ФЕДОРЧЕНКО. А ты бы взялся писать?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да нет, наверно. Хотя *(неожиданно смеётся)*... как подать!

ФЕДОРЧЕНКО. Молодой ты ещё, Сашка. Подать и я умею, может, лучше, чем ты умел, а потом?.. С её соседом разбираться? Если он глупый. А если умный – сразу в суд пойдёт. Адвоката-крючкотвора наймёт. А тот и меня, и редакцию догола разденет. Смешно, да?.. А даму эту хоть одним неосторожным словом задеть?! Она в суд пойдёт.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Как – она? Если публикация – в её защиту?

ФЕДОРЧЕНКО (*смеётся*). Время изменилось, Саша! Напиши о ком-нибудь в хвалебной статье – «благородная седина на висках»! И всё – фифти-фифти! Либо спасибо, либо – иск.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. За что?!

ФЕДОРЧЕНКО. А за то! Автор подчеркнул в публикации, что я уже не молод, а тем самым оскорбил мою честь и достоинство, а заодно нанёс ущерб деловой репутации. И ещё неизвестно, что суд решит. «Благородная седина» – вот она, на газетной странице, чёрным по белому. А что ты на самом деле в виду имел – этого нигде не видно! Вот и доказывай... что ты... не двугорбый...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Как же вы теперь пишете?!

ФЕДОРЧЕНКО. А... по-умному, Саша, по-умному. Всё! И ты завтра приходи (*садится за работу*).

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Пиши, Юрьевич, пиши, а я этот театр хочу до конца досмотреть.

Вновь преображается в актёра, читающего «закадровый текст», обращается к зрителям.

АКТЁР. И очень хорошо, что вы – в театре. И что гаснет свет. И все теперь смотрят не на вас, а на актёра, который подаёт первую реплику... Хотя её и не слышно. Потому что как раз в этот момент открываются двери и опоздавшие зрители, громко пыхтя, идут на цыпочках к своим и не своим местам. Но вам всё равно хорошо. Потому что вы в театре. Да ещё с цветами. Вы сидите и выбираете актрису, которой вручите их в конце спектакля. Или актёра – если вы не мужчина, а женщина, любящая театр...

ФЕДОРЧЕНКО (*он вышел из-за стола, из выгородки – в «мир», и теперь обращается к своему alter ego и залу*). Меня действительно это мучит – что мы должны любить? Театр? Или легенду о нём? Это же так просто. Сделать мечтательные глаза и произносить с придыханием: театр... колыбель... наша гордость... на все времена... Но мне не хочется – с придыханием... Вот ведь – и кино есть, и телевидение, и DVD, и Интернет!.. А людям всё равно хочется в театр! И не для того, чтобы потом говорить с придыханием: вчера был в театре!..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*выходит из образа актёра, читающего «закадровый текст», обращается к «самому себе», ставшему старше на тридцать лет*). Да уж, Юрьевич, чёрт тебя занёс в этот благословенный город, родину театра-легенды!

ФЕДОРЧЕНКО. Меня? Не тебя?!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Слушай, у тебя уже точно раздвоение личности. Как будто я – это не ты!

ФЕДОРЧЕНКО. А ты, Саша, не путай диалектику с психиатрией. Я – это я. И ты – тоже я. Но не сегодняшний!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А есть разница?

ФЕДОРЧЕНКО. Конечно. Сегодняшний, я бы сюда не поехал.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Чего так?!

ФЕДОРЧЕНКО. А того! Не пришлось бы теперь эту статью писать!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ты же в теме!

ФЕДОРЧЕНКО. От и до! Но ведь за этим «от и до» есть ещё что-то! А у меня получается какая-то история города Глупова, точнее, его театра.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Bravo вам, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин! Но при чём тут город?! Ты же и тогда понимал, то есть я понимал – и всё отчетливее понимал: моё призвание – социальная журналистика, пусть со всеми теми ограничениями, которые накладывало на неё время. А люди везде страдают, радуются, переживают победы или поражения одинаково...

ФЕДОРЧЕНКО. Да, а не тебе ли самому скоро начало казаться, что даже страдают и радуются здесь как-то по-другому?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь ты помнишь, какую злую шутку сыграл диплом с отличием, дающий право на свободный выбор места работы. Выяснилось: никто не обязан меня трудоустраивать, платить зарплату и заботиться о карьерном росте. Троечнику, с направлением от вуза, – да, обязаны. Мне, имеющему свободный диплом, но не имеющему направления, – нет. Я работал на подхвате – то там, то сям, подменяя сотрудников, ушедших в отпуск, я зарабатывал себе имя, но... не постоянное место работы.

ФЕДОРЧЕНКО. Помню. И вдруг в этом благословенном городе мне предложили не самую худшую должность, приемлемую зарплату, а самое главное – квартиру. Ладно, подумал я, в конце-то концов!.. Хотя, Саша, оправдание у меня, то есть у тебя, есть: откуда было знать, каким окажется этот город? Я и сейчас не пойму – а сколько уже лет он живёт под гипнозом? Слишком кичится своей дореволюционной архитектурой – от которой почти ничего не осталось. Своей первой – чуть ли не первой в мире! – трамвайной линией... И ведь ничуть не грустит, что она потом исчезла невесть куда! И, наконец, театром...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да, особенно театром! «Жаль, – говорили мне, – что ты не попал в наш город раньше – до того, как у нас театр перестроили. Вот это был театр – парижская Гранд-Опера в миниатюре!..»

ФЕДОРЧЕНКО. Ну да! Ты ведь тогда... вернее, я тогда не поинтересовался сразу. Только потом выяснил. Оказалось, театр по какой-то своей прихоти построил знаменитый в здешних местах меценатствующий купец Зозулин. Со всем своим купечески размахом построил: а вот хочу Гранд-Опера – и всё тут!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А ему сказали – тебе денег не хватит!

ФЕДОРЧЕНКО. А он в ответ – а всё равно стройте Гранд-Опера!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Только маленькую – чтобы денег хватило!

ФЕДОРЧЕНКО. Да. Но, как ни странно, скоро сделал эту Гранд-Опера ещё одним своим прибыльным предприятием.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И театр получился очень интересный внутри.

ФЕДОРЧЕНКО. А внешне выглядел сарай сараем, и быть бы ему в новейшие времена в лучшем случае каким-нибудь домом культуры каких-нибудь пишевиков.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Если бы не одно «но».

ФЕДОРЧЕНКО. Вот именно – «но»! Ведь в те же времена словно из ниоткуда возникла и местная труппа. Вот и спрашивается: а что же было первичным – курица или яйцо? Театр или труппа стали подлинной славой этого города?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И в театр я в конце концов выбрался. На обычный спектакль из текущего репертуара.

ФЕДОРЧЕНКО. Как сейчас помню – выбрался! Вот только... публики было маловато. Спектакль задержали на пять минут, потом ещё на пять...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но я не расстраивался – я рассматривал зал.

ФЕДОРЧЕНКО. От «Гранд-Опера» купца Зозулина действительно ничего не осталось.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но зал был неплох.

ФЕДОРЧЕНКО. Да, современный, но уютный и симпатичный.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Располагающий к тому, чтобы смотреть в нём хорошие спектакли.

ФЕДОРЧЕНКО. А потом... бухнули двери и, топая сапогами, зал заполнила рота бойцов, пахнущих гуталином и казармой, из близлежащей части...

Молодой Федорченко вновь преображается в актёра, читающего «закадровый» текст.

АКТЁР. А спектакль идёт. И постепенно все зрители занимают места. И постепенно выходят на сцену все артисты, даже опоздавшие. И их становится больше, чем зрителей в зале. И им тоже становится хорошо. Поэтому они начинают петь. И это тоже хорошо. Потому что за пением не слышно, как встаёт и уходит первый зритель. Потом второй. Третий... И остаются только артисты на сцене да ещё вы в зале. Да ещё с цветами... Спыхватываясь, вы вручаете цветы своей спутнице и, как все, вместе с ней на цыпочках выходите из зала. Билетёры смотрят вам вслед. Может быть, ваша спутница – актриса, которую вы увели прямо со сцены?.. А спектакль продолжается. А может, уже и нет. Потому что актёры тоже люди. Их тоже кто-то где-то ждёт. И что с того, что вам было хорошо?.. Вечно хорошо не бывает.

ФЕДОРЧЕНКО. Но вот ведь что любопытно: мне спектакль в общем понравился. Неплохой для провинциального театра спектакль.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. По пьесе, которую я раньше не читал и постановку не видел. Интересно было смотреть.

ФЕДОРЧЕНКО. Потом, правда, выяснилось, что это работа пришедшего режиссёра. И что в театр его так и не взяли.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И правильно! Они что, самоубийцы, кого попало с улицы брать? Особенно талантливого. У них что, чувства самосохранения нет?!

ФЕДОРЧЕНКО. Интересный город, подумалось мне. Так гордиться своей утраченной Гранд-Опера в миниатюре, так ностальгически говорить о ней – и при этом не ходить в театр?.. Нет, не театральный город...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь ты помнишь – уже летом я усомнился. Один за другим приехали три гастрольных театра, каждый привёз по десятку спектаклей, каждый работал ровно месяц, но почти каждый день был аншлаг...

ФЕДОРЧЕНКО. И однажды Вера Монастырская, зав. отделом культуры газеты, робко спросила меня: не соглашусь ли я написать театральную рецензию на один из гастрольных спектаклей?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. В журналистике считается, что на темы культуры не умеет писать только ленивый. То есть, по определению, умел и я, как и любой журналист. Но почему же всячески избегали театральных рецензий как раз штатные журналисты отдела культуры? Почему Монастырская обратилась ко мне, работающему в другом отделе?..

ФЕДОРЧЕНКО. Но я просто ответил согласием – лишняя гонорарная копейка на самом деле лишней не бывает. К тому же я любил театр.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. В индустриальном городе, в котором я вырос, не было своего театра. Да, были кинотеатры, было телевидение, но я на всю жизнь запомнил ощущение радостного изумления, которое испытал, впервые попав на спектакль заезжего театра, играющего в доме культуры.

ФЕДОРЧЕНКО. К последнему курсу я был уже завзятым театралом, не понаслышке знающим лучшие театры страны.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И после вуза помотался по командировкам – успел кое-что повидать. ГЛАВНОЕ успел понять – никакое кино, никакое телевидение не заменят собой живой театр, с живыми актёрами, а не изображениями на экране, с живым действием, которое творится на твоих глазах.

ФЕДОРЧЕНКО. Да и время было другое – не сегодняшнее. Театр был любим везде. Кинематограф не боялся экранизировать драматургию. Телевидение делало собственные телеспектакли и показывало лучшие спектакли, которые шли на сценах.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Иногда и те, которые мне повезло увидеть вживую. Но... я смотрел на телеэкран и... испытывал разочарование. Уходила из спектаклей энергетика – та самая энергия, которую отдаёт актёр со сцены в зрительный зал и которую зал возвращает сторицей. Там, где в театре я безудержно хохотал вместе с залом, телеверсия заставляла всего лишь улыбаться. Там, где отчаянно сопереживал, – испытывал простое сочувствие...

ФЕДОРЧЕНКО. Да, в театр ходить – хорошо... А не ходить – плохо...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Первая моя рецензия тут же попала на редакционную «доску почёта». И начался мой театральный роман. Я зарабатывал на жизнь «обязаловкой», которая требовалась отделу, а рецензии для другого отдела – это было хобби... за которое ещё и деньги платили...

Звонит городской телефон на рабочем столе.

ФЕДОРЧЕНКО (*возвращается на рабочее место, снимает трубку*). Да, редакция. От вашего дома не вывозят мусор? В ЖЭК жаловались? Считаете, лучше сразу в редакцию? Хорошо, диктуйте адрес, завтра пришлём к вам бригаду журналистов на уборку. (*Молодой Федорченко издали показывает большой палец.*) Как моя фамилия? Бендер-Задунайский. Нет, ночной сторож. (*Молодой Федорченко показывает два больших пальца.*) Рабочий день закончился – я кабинеты обхожу. Это вы думаете, что ещё не кончился. А журналисты думают иначе. Всё написали – и ушли. Хорошо, завтра передам главному редактору. Если не забуду.

Кладёт трубку, тут же раздаётся новый звонок.

Бендер-Задунайский у аппарата!.. Да, Нинель Владимировна, это я, Федорченко, извините... Нет, не прикалываюсь. Решил, опять тот жалобщик, у которого мусор не вывозят. Нет, не буду я в статье на вас ссылаться. Но что делать, если я только через три десятка лет задумался об интриге: зачем мы с вами, Нинель Владимировна, тогда это сделали?! Что может оправдать нас сегодня?! Нет, ссылаться не буду. Этику, Нинель Владимировна, по-моему, не только журналистам преподавали, но и искусствоведам... И это всё?.. А я уже решил, что вы готовы мне что-то рассказать... Да?.. Да, до свиданья. (*Пододвигает стул к стеллажу, подстелив газету, становится на сиденье, роется в бумагах на самой верхней полке.*)

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я продолжал печь рецензии. Сначала на спектакли гастролёров, потом мне предложили написать рецензию на премьерный спектакль нашего театра... Потом на ещё один...

ФЕДОРЧЕНКО (*бумаги, в которых он роется, внезапно рассыпаются, одну из них он ловит на лету.*) Ты смотри, а я и забыл о ней!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Дай, Юрьевич, дай посмотреть!

(Читает залу со странички, которую берёт в руки.)

Прекрасно!

(Опыт типовой театральной рецензии)

Прекрасно, вот единственное слово, которое хочется повторять, говоря о новой премьере Заболотинского музыкально-драматического театра.

Прекрасны песни, которые звучат в спектакле. Правда, актёрам не хватает голоса, но этот маленький недостаток почти незаметен на фоне всего остального.

Прекрасна музыка (о которой нельзя сказать ничего плохого, кроме хорошего). И хотя исполнительский уровень оркестра ниже всякой критики, это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен темп пьесы, искромётны её диалоги, чрезвычайно насыщен текст. Правда, режиссёрские решения и игра актёров практически не позволяют донести этот текст до зрителя, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен замысел главного балетмейстера театра. К сожалению, хореография противоречит общему настрою спектакля, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

И самое главное в сегодняшней премьере – прекрасно, что наконец коллектив нашего театра обратился к современной, злободневной, удивительно глубокой и чрезвычайно выразительной пьесе!

Но и это почти незаметно на фоне всего остального...

Пауза – желательно, чтобы зрители правильно поняли и поаплодировали. Первым может начать аплодировать Федорченко, стоящий на стуле.

ФЕДОРЧЕНКО. Агата Кристи как-то призналась – ей кажется, она всё время пишет один и тот же бесконечный детективный роман. Наверно, и я, когда писал рецензии, чувствовал что-то похожее, а чтобы избавиться от наваждения, и написал вариант такой типовой рецензии. На все времена и для всех театров.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Чего добру пропадать, подумал я и понёс в отдел культуры – куда же ещё?

ФЕДОРЧЕНКО. Вера Ильинична была в отпуске, замещал её поэт Василий Азалеvский, ведущий в газете литературную страничку.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Он прочитал, покрутил головой и сказал: «Это же про наш театр». – «Ни в коем случае», – ответил я, честно глядя ему в глаза.

Мизансцена для театра марионеток: Федорченко и Азалеvский. Говорят нарочито кукольными голосами.

ФЕДОРЧЕНКО. Можно к вам, Василий Леонтьевич!

АЗАЛЕВСКИЙ. Ну заходите, Александр Юрьевич, если уже зашли. Но ведь Вера Ильинична в отпуске.

ФЕДОРЧЕНКО. А я к вам, Василий Леонтьевич.

АЗАЛЕВСКИЙ. А зачем?

ФЕДОРЧЕНКО. Вот, принёс кое-что... Может, прочитаете?

АЗАЛЕВСКИЙ. Ну оставляйте...

ФЕДОРЧЕНКО. А можно при мне? Тут одна страничка всего...

АЗАЛЕВСКИЙ. Ну если вы так просите (*читает*). Ага... Угу...

Ого!.. Но это же про наш театр!!!

ФЕДОРЧЕНКО. Ни в коем случае!

АЗАЛЕВСКИЙ. Вот поэтому и опубликуем! В разделе «Юмор»! Ха-ха-ха-ха!.. Может быть, под псевдонимом?..

ФЕДОРЧЕНКО. А лучше под псевдонимом?

АЗАЛЕВСКИЙ. Ха-ха-ха-ха! А это, голубчик, вам решать.

ФЕДОРЧЕНКО. А под каким?

АЗАЛЕВСКИЙ. Ну не Гоголь – это уж точно, ха-ха-ха-ха!

ФЕДОРЧЕНКО. А можно – Фёдор Юркин?

АЗАЛЕВСКИЙ. Можно. Но... а вдруг этот Фёдор Юркин существует в действительности?..

ФЕДОРЧЕНКО. А как узнать?

АЗАЛЕВСКИЙ. А вы идите к себе и хотя бы телефонный справочник полистайте.

ФЕДОРЧЕНКО. А без псевдонима можно?

АЗАЛЕВСКИЙ. Можно. Вот как надумаете – так и приходите...

Актёры возвращаются в живой план.

ФЕДОРЧЕНКО. Может быть, Азалеvский давно понял то, что только-только начинал понимать я. Театр обеими руками держался за репертуар знаменитой дореволюционной труппы, игравшей на этих же подмостках. Классика, кто будет спорить! Но, чтобы иметь успех, классика должна быть современной, а в театре-наследнике она казалась извлечённой из нафталина – и только для того, чтобы через сезон-другой снова отправиться в нафталин.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да, но и постановки современной драматургии, за редким исключением, казались вытасченными из того же нафталина... Театр завис вне времени и даже не пытался прыгнуть выше головы.

ФЕДОРЧЕНКО. А зачем?! Ведь он и так наследник, продолжатель, хранитель и выразитель! Чего вам ещё?! Зарплата

идёт, дотации выплачиваются, деньги на постановки выделяются, а записные рецензенты...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А что записные рецензенты! Они всё равно напишут, что театр в очередной раз проявил верность традициям великих предшественников...

ФЕДОРЧЕНКО. Может быть, потому и уклонялись от рецензий штатные журналисты отдела культуры?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. К счастью, не одним профессиональным театром был жив город. Я открыл для себя студенческий театр «Эхо». Самодеятельный театр оперетты при одном из домов культуры. Народный театр при другом ДК.

ФЕДОРЧЕНКО. Они и компенсировали то, что недодавал театр профессионалов. Режиссёры самодеятельных театров тоже были профессионалами, но старались ставить самые свежие пьесы – только-только из-под пера драматурга. Тем были интересны. Когда ещё дойдут руки у кинематографа или телевидения до Вампилова или Гельмана! А у нас – вот они, уже на сцене! Смотри, город! А актёры...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да, чистой воды художественная самодеятельность.

ФЕДОРЧЕНКО. Да. Но... за новизну материала, за азарт, с которым они бросались в роль, им можно было простить многое – чего нельзя простить профессионалам, с мёртвыми глазами выходящим на сцену и отрабатывающим спектакль, как отрабатывают барщину...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Подожди, ты ещё про театр кукол не сказал.

ФЕДОРЧЕНКО. И что? И театр кукол был. И сейчас есть.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Плохой, что ли?..

ФЕДОРЧЕНКО. Почему плохой?.. Но ты же сам отбояривался от рецензий на детские спектакли – а я весь в тебя!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И до сих пор отбояриваешься?

ФЕДОРЧЕНКО. Ну да. Впрочем, в последние годы написал несколько рецензий...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да ты что? Что же с тобой случилось?!

ФЕДОРЧЕНКО. Они там начали для взрослых спектакли делать.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да? А в те времена – не делали...

ФЕДОРЧЕНКО. А ты не понимаешь, что это тоже симптом? Когда театр для взрослых теряет своих зрителей... я думаю, должен же кто-то и для них что-то делать...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И что?

ФЕДОРЧЕНКО. Ничего. Интересно.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Жалко!

ФЕДОРЧЕНКО. Жалко, что интересно?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Нет, жалко, что в те времена не делали...

ФЕДОРЧЕНКО (*возвращается за рабочий стол, говорит и одновременно пишет*). С Нинель Владимировной мы были знакомы не близко, но ведь знакомы. Разговор шёл ни о чём. Так, светский обмен репликами.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И вдруг, испытующе посмотрев мне в глаза, она сказала: «А вы не хотели бы написать о нашем театре?» Я пожал плечами. «Закажут рецензию – напишу». – «А если не рецензию?» – «А что?» – «А вы не согласились бы встретиться со Степовым, очередным режиссёром?..»

ФЕДОРЧЕНКО. Нинель Владимировна, понял я, затевает интригу. И от предложения, чтобы Степовой пришёл ко мне в редакцию или я к нему в театр, отказалась наотрез: «Нет-нет, лучше где-нибудь на нейтральной территории».

В редакционный кабинет решительно входит Нинель Владимировна, красивая, хорошо одетая, ухоженная женщина, выглядящая намного моложе своих лет. Молодой Федорченко на цыпочках удаляется за кулисы.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Ещё раз здравствуйте, Александр Юрьевич.

ФЕДОРЧЕНКО (*встаёт, удивлён и растерян*). Ещё раз, Нинель Владимировна... Что-то случилось?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Стреляли, как говорится, Александр Юрьевич.

ФЕДОРЧЕНКО (*не сразу понимает шутку*). Кто стрелял?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*смеётся*). Вы же, товарищ Сухов, и стреляли. Да ещё так жалостливо! Как же я могла не прийти?

ФЕДОРЧЕНКО. А как вы меня нашли?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*смеётся*). Неужели вы думаете, я не знаю, где редакция газеты? А внизу вахтёр подсказал.

ФЕДОРЧЕНКО. Так вы... решились?..

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*смеётся*). Решилась, Александр Юрьевич. Жизнь коротка, сколько можно колебаться!

ФЕДОРЧЕНКО. Ну... садитесь...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А можно я сюда, на диванчик? (*Усаживается, оценивает упругость, снимает с плеча сумочку, ставит с краю.*) Чудный диванчик! Для чего он у вас? Ночуете на нём?

ФЕДОРЧЕНКО. Для интервью...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*опять смеётся*). Смотрите, как я угадала! Ну вот, я уже на диванчике, можете начинать.

ФЕДОРЧЕНКО. Может быть, здесь, за столом?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Что-то вы непоследовательны, Александр Юрьевич. То на диванчик, то за стол. Или у вас (*смеётся*) изыск такой – только за столом?

ФЕДОРЧЕНКО. Да нет, мне за столом удобнее, но случилось и на диванчике.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. И много вы на этом диванчике интервью взяли?

ФЕДОРЧЕНКО (*смеётся*). Нинель Владимировна, вы думаете, кто-то считает?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А с женщинами – тоже не считали?

ФЕДОРЧЕНКО. При чём тут женщины?..

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Да, конечно, для вас – ни при чём. Могли бы и не говорить – и так знаю, что вы человек цельный... А журнальный столик зачем? Для рюмок?

ФЕДОРЧЕНКО. Для диктофона. Если хотите, могу кофе заварить... А рюмок нет...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Тяжело иметь дело с цельным человеком – даже рюмок нет. А мне так хотелось выпить с вами на брудершафт. Чтобы на «ты» перейти.

ФЕДОРЧЕНКО. Да и без этого можно. Давайте... давай запросто, на «ты». В конце концов сто лет знакомы.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*передразнивая интонацию Федорченко в телефонном разговоре*). Какие «сто лет»? Ещё тридцати нет. И мы с вами ещё вполне... ещё можем... что-нибудь... Ну, иди сюда, бери своё интервью. Только без диктофона!

ФЕДОРЧЕНКО (*пересаживается на диван*). Ладно, без диктофона... Память у меня профессиональная – не хуже диктофона

пишет. Просто... так всё неожиданно – что вы пришли... что ты пришла... Я даже немного нервничаю. Лучше бы с диктофоном...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*категорически*). Без! Я тоже немного нервничаю – но ведь пришла! Так что включай свою память – пусть запомнит это интервью. Начинай.

ФЕДОРЧЕНКО. Да, собственно, Нинель Владимировна, первый вопрос я ещё по телефону задал. Жду ответа.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Знаешь, Александр, если на «ты», то давай без этих галантерейных церемоний – просто по имени.

ФЕДОРЧЕНКО. Хорошо, Нина...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*смеётся*). Не угадал! Лучше Неля.

ФЕДОРЧЕНКО. Хорошо. Неля. Помните... помнишь, как ушёл главный режиссёр Кравченко и пришёл на его место Степовой?.. Что там между ними варилось? И кто какую роль сыграл – мы с тобой, в частности?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, что там варилось, ты и сам кое-что знаешь – ты же говорил тогда со Степовым. Без меня, кстати. Я сознательно вас вдвоём оставила. А всё остальное? Ну тридцать лет прошло! Кому это интересно сегодня?

ФЕДОРЧЕНКО. Ну... пусть даже только мне – я сам потом решу, отдать это читателю или в подтексте оставить. Я сам хочу понять, кто был куклой, а кто – кукловодом...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Кто-то был кукловодом. А кто-то – куклой, марионеткой. Даже ещё смешнее! Были марионетки, воображающие себя кукловодами. Правда, смешно?! Марионетка, воображающая, что управляет другой куклой, а на самом деле – это её дёргают за ниточки!

ФЕДОРЧЕНКО. Я так и думал...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Успокойся, Саша. К тебе это не относится. Ты всё равно сделал всё по-своему. (*Внезапно гаснет свет; светится только экран ноутбука на столе, слабо освещая сцену.*) Что за шуточки, Александр Юрьевич?! Это у вас на каждом интервью так? Или только со мной?

ФЕДОРЧЕНКО. Это бывает, Неля. К счастью, не каждый день. Линия перегружена, вот и срабатывает защита на трансформаторной подстанции. Минут тридцать света не будет... разговаривать это не мешает... Ладно. А сама ты кем была – куклой, кукловодом или марионеткой, вообразившей себя кукловодом?..

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Ну... наверно, и тем, и тем немного... Слушай, тебе это важно? Вот сейчас, сию минуту, тебе это важно?

ФЕДОРЧЕНКО. Я же сказал – я сам решу, отдать читателю или нет. Но для себя-то я знать должен. Чтобы не наврать в статье – я должен знать!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Федорченко, я всегда подозревала, что ты просто кукла бесчувственная! Ничего не понимаешь и не чувствуешь!

ФЕДОРЧЕНКО. Ну уж нет, кое-что понимаю.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Что ты понимаешь, Саша?! Ты что, не видишь?! Я – женщина, Саша. Я, может быть, в эту дурацкую историю только из-за тебя полезла. А ты!.. Дурак! (*Поднимает руку, намереваясь не то ударить, не то погладить по щеке.*)

Гаснет экран ноутбука – программа перевела его в ждущий режим. Полная темнота.

ФЕДОРЧЕНКО. Может быть, я и дурак, Неля, но...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Молчи, лучше молчи, дурачок... Саша...

ФЕДОРЧЕНКО. Неля...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Саша... Дурачок...

ФЕДОРЧЕНКО. Неля... (*В темноте что-то падает на пол.*) Что это?!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*смеётся*). Сумочка моя упала... и чёрт с ней... Саша...

ФЕДОРЧЕНКО. Неля...

Занавес. Конец первого действия.

Действие второе

Занавес открывается. Та же декорация. Свет горит. Федорченко сидит за ноутбуком. Нинель Владимировна у зеркала поправляет макияж.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*явно продолжая разговор, который идёт уже несколько минут*). Саша, я тебе и в сотый раз повторю: не важно, кто первый сказал «а» и кто за какие ниточки дёргал. Я и сама уже не всё помню. И вспоминать не хочу – противно! Впрочем, я и тогда не знала, кто первый сказал «а».

ФЕДОРЧЕНКО. Но моя рука была последней...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*ласково*). Дурачок... Брось ты эти интеллигентские рефлексии.

ФЕДОРЧЕНКО. Марионетка на ниточках...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Оставь! Ты – блестящий журналист. Ты сколько угодно можешь воображать себя марионеткой (*выходит на авансцену, говорит в зал*), а на самом деле? Вокруг посмотри. Может быть, мы все – марионетки. Из каждого свои ниточки торчат. Только не думай, что они всегда работают. А тебя за какие ниточки ни дёргай, ты останешься собой. Ты поступишь по-своему. Думаешь, я не знаю, ЧТО тебе Степовой наговорил, – хотя меня там не было. Знаю! Он тогда ВСЕМ это говорил. Тет-а-тет. А ты всё равно написал только то, что сам хотел. Не то, что ТАМ (*показывает пальцем вверх*) ждали!

ФЕДОРЧЕНКО. Но результат!..

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А результат был предрешён! Ты мог сто раз написать: Кравченко – гений, не трогайте Кравченко! Но ты бы всё равно сказал «но»!

ФЕДОРЧЕНКО. Сказал бы. Потому что...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Я знаю почему. Я и сама бы сто раз сказала «но». Это предшественник Кравченко смог столько лет держать театр. Да нет, конечно же, что-то было лучше, что-то – хуже... но ведь было, правда? Ах, да, прости, это всё ещё до тебя было. Жаль, что ты не приехал в наш город до того, как наш театр перестроили... А после него... Может быть, и совсем не Кравченко виноват. А что?.. Не знаю... Время? В воздухе что-то менялось? Но мне тогда казалось – это начало конца...

ФЕДОРЧЕНКО. А может быть, так и было?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Это ты сегодняшний говоришь. А тогда казалось, что ещё можно что-то изменить. И нужно!

ФЕДОРЧЕНКО. Но результат!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Классику читай, Саша. «Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовётся». Я не знаю, что ты сейчас напишешь. Но когда это будет опубликовано – головы покатаются, не сомневайся!

ФЕДОРЧЕНКО. Нея! Но я это как бы не планирую!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А это не от тебя зависит.

ФЕДОРЧЕНКО. Что, ТАМ уже решено?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Практически да. Нужен только повод.

ФЕДОРЧЕНКО. Так что мне теперь – ноутбук о стенку грохнуть?!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Не поможет. Газет много – кто-то да намарает. А ты... ты хотя бы правду напишешь.

ФЕДОРЧЕНКО. Чтобы потом услышать – кому она была нужна, эта ваша правда? А может быть, действительно никому?.. Только главному редактору... материал на две полосы... Всё равно под ним будет не его, а моя подпись...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Вот видишь – целых две полосы! Не может же газета выйти с двумя с пустыми страницами и надписью: «Здесь должна была стоять статья Александра Федорченко».

ФЕДОРЧЕНКО. А!.. У хорошего редактора всегда что-нибудь в запасе есть. У нашего тоже есть – зимний отдых в Финляндии. Как раз на две полосы.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Зимний? Сейчас? Летом?!

ФЕДОРЧЕНКО. Ну и что? Когда-нибудь зима всё равно будет...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Саша, ты что! А глобальное потепление!..

ФЕДОРЧЕНКО. Думаешь, и до Финляндии доберётся?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Да кто его знает! Лучше статью допиши.

ФЕДОРЧЕНКО. Ага. «Делай что должен, и будь что будет»?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Делай что должен. А будь что будет – это не твоё. Ты всё будешь держать руку на пульсе.

ФЕДОРЧЕНКО (*смотрит на часы*). Чёрт! Главный редактор уже ждёт...

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Всё. До свиданья! (*Выходя.*) Ты только на этом диванчике больше ни у кого интервью не бери. А то ревновать стану...

ФЕДОРЧЕНКО (*вслед*). До свиданья. Обещаю...

На цыпочках входит молодой Федорченко.

ФЕДОРЧЕНКО. Ага! Совесть моя незваная! Явился?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Стреляли...

ФЕДОРЧЕНКО. Стреляли-стреляли. Вот сейчас и ответишь за всё! И за то, что сделал тридцать лет назад... и за то, что... не сделал...

Мизансцена для театра марионеток: Федорченко, Нинель Владимировна и Степовой. Говорят нарочито кукольными голосами.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Николай Николаевич. Александр Юрьевич. Ну, знакомьтесь, присаживайтесь, а я вас оставляю, чтобы не мешать (*выпархивает*).

ФЕДОРЧЕНКО. Николай Николаевич, давайте сразу договоримся: я – просто зритель, просто рецензент, в общем, человек из зрительного зала...

СТЕПОВОЙ. О, так это же хорошо! Это хорошо – что из зрительного зала! Это просто замечательно! Кое-кто в этом зрительном зале и не был не разу, а судит – со стороны, как вы понимаете...

ФЕДОРЧЕНКО. Но и я – со стороны!

СТЕПОВОЙ. И что вам со стороны видно?

ФЕДОРЧЕНКО. Николай Николаевич, давайте уточним сразу: кто у кого интервью берёт?

СТЕПОВОЙ. Александр Юрьевич! Это же был риторический вопрос! И я сам на него с радостью вам отвечу... нет, с болью в сердце я вам отвечу! В театр не идёт зритель! Да и зачем он пойдёт – с таким-то репертуаром?! Это тоже риторический вопрос – поэтому я на него отвечать не буду. А театр из-за этого не выполняет финансовый план! Поэтому директора всё время вызывают ТУДА, на ковёр, и стучат по нему кулаком!

ФЕДОРЧЕНКО. По ковру?

СТЕПОВОЙ. Нет, по директору!

Живой план.

ФЕДОРЧЕНКО. Степовой оказался напористым и убедительным. Да, говорить он умел. Но то, что рассказал... Я не был знаком с Кравченко, главным режиссёром. Но, получалось, на нём следовало поставить клеймо бездари и губителя нашего замечательного театра и гнать из театрального мира с волчьим билетом за профнепригодностью.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И всё это было, мягко говоря, не для печати.

ФЕДОРЧЕНКО. Сегодняшних законов о диффамации ещё не было. За клевету, за голословное упоминание любого должностного лица, облечённого хоть какой-то властью, карала и миловала партия. Она тогда была у нас одна. Зато нас у неё было уже много. И ей было не жаль выкинуть из своих рядов любого, кто осмелился на критику, не санкционированную свыше. Потому у меня бастовала рука.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да нет, опасался я не за себя – за главного редактора: вдруг пропустит в печать, не читая. И поедет, бедняга, без партбилета в глухое село рядовым корреспондентом...

ФЕДОРЧЕНКО. Но в конце концов сел за машинку. И написал то, о чём и собирался писать. Почему наши учреждения культуры так мало делают именно для культуры? Большую статью – на полосу. Отдельной главкой – о театре. И кое-что из сказанного Степовым в эту главку вошло. Нет, не впрямую, без тыканья пальцем, без негодующих возгласов, самое большее, он прибавил мне два-три штриха, да и то больше в подтексте.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но... я понял, что Вере Монастырской эту статью не понесу...

ФЕДОРЧЕНКО. И Нинель Владимировна сделала следующий ход – сама встретила с главным редактором, у которого, судя по всему, давно была в фаворе, и передала ему мой материал. Мудро. Если бы что-то пошло не так, у главного редактора были неубиенные козыри: во-первых, его об этом «очень просили», а во-вторых – автор. Вы же понимаете – молодой, пришлый, он сам не понял, на что замахнулся! А хотите – он сам же и покается на газетных страницах перед городом и миром?..

Театр марионеток. Нинель Владимировна и главный редактор.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА (*размахивая рукописью*). Евгений Николаевич, но вы же понимаете, как важна эта статья!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (*делая танцевальные па вокруг Нинель Владимировны*). Нинель Владимировна, но я ему её не заказывал. Я не могу поощрять эту самодеятельность! Этак каждый журналист начнёт писать всё, что ему захочется! А я буду должен это печатать? А кто будет писать то, что нужно газете?!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Так закажите! Это то, что нужно газете!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (*не прекращая танцевальных па*). Тогда каждый начнёт писать всё, что ему захочется, а потом требовать – закажите.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А давайте считать по-другому! Вроде бы Федорченко писал не для газеты, а для себя...

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. В стол?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. Если это так называется – в стол.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Пусть и держит в столе!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А он и держал. А потом захотел услышать моё мнение.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. А я тут при чём? Ну и скажите ему своё мнение.

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А мне так понравилось, что я решила показать вам.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Но вы же не редактор!

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А давайте считать, что я – общественное мнение. Или – как это у вас называется? – самотёк.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. И рукопись пришла самотёком?

НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА. А когда вы поняли, что это написал ваш сотрудник, уже не имело значения – заказывали вы или нет!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (*завершая танцевальное па*). Ах, Нинель Владимировна, я никогда не опубликовал бы это, если бы не вы...

Живой план.

ФЕДОРЧЕНКО. Через две недели статья была опубликована. Ещё через две недели Кравченко ушёл из театра и его место занял Степовой.

Федорченко снова выходит на авансцену.

И лишь потом, много позже, я вдруг подумал – и что, хватило такой малости? Я никого не обличал и не разоблачал. Фамилию Кравченко не упомянул ни разу. Просто высказался, что репертуарная политика театра, а соответственно, и зрительский интерес к нему зависят в первую очередь от режиссёров и режиссуры. Фамилию Степового упомянул только раз. Ну, может быть, лишь чуть благожелательнее, чем собирался – если бы разговора с ним не было. Всё, что я сделал, это спросил: почему театр не занимает в сфере культуры то место, которое ему надлежало бы занимать? И этого хватило?.. Нет, ребята, интрига заваривалась, возможно, на более высоком уровне, нежели уровень Нели Владимировны. Публикацию уже ждали. И главный редактор, член бюро обкома, знал об этом. Только не решался сам поручить кому-то. Чтобы, в случае чего, не подставить сотрудника.

Но это я сегодня такой умный, задним числом. А тогда...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Юрьевич, но ведь и тогда было очевидно: партийное и советское начальство только тем и занималось, что «спасало» театр, не имеющий зрительского успеха! Ведь театр рассматривался как составная часть единой

идеологической системы! И зритель просто обязан был ходить в театр, чтобы вкушать правильную духовную пищу.

ФЕДОРЧЕНКО. Да я сейчас помню: что только для этого ни изобреталось! В буфет театра, например, завозили дефицитные продукты. Исчезло, скажем, в городе сливочное масло. И вот зритель приходит на спектакль и обнаруживает – а в буфете масло есть! И даже можно взять полкило!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И вот после антракта сидят зрители в зале с бумажными свёртками в руках и уже не столько смотрят спектакль, сколько маются. Держать идеологически правильную духовную пищу в руках – не шибко хорошо, может потечь. На колени положить? Может ещё и костюм испачкать...

ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь уже на следующий день зритель придёт на спектакль идеологически подготовленным. С сумкой. Заодно и соседей, друзей, сослуживцев приведёт! Нельзя же объявить по радио, что в театре можно купить масло. И тем самым признать, что в магазинах его нет! Приходилось полагаться исключительно на другие средства массовой информации – тоже радио, но сарафанное.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Юрьевич, а как с этим сейчас?

ФЕДОРЧЕНКО. С театром?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. С маслом.

ФЕДОРЧЕНКО. Всегда есть.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да ты что! И везде? Сливочное?..

ФЕДОРЧЕНКО. Написано – сливочное. А масло или нет...

Написано – масло...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Не настоящее, что ли?

ФЕДОРЧЕНКО. Так ведь не написано...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А колбаса?

ФЕДОРЧЕНКО. Аналогично.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А по вкусу?

ФЕДОРЧЕНКО. Молодой ты ещё, Сашка, такие вопросы задавать! Но тебе, так и быть, скажу. Чудеса синтеза: вкусовые добавки, пищевые добавки, усилители вкуса, запаха, цвета, чего там ещё?.. Вся таблица Менделеева и органическая химия. Будешь кушать оконную замазку, а думать, что это французский паштет с трюфелем... Ладно! Я и сам не знаю, а ты и вовсе не поймёшь!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А нельзя, как тогда, в буфет театра настоящее масло завозить? И чтобы все знали – здесь настоящее!

ФЕДОРЧЕНКО. И признать, что у всех остальных – не настоящее?..

Пауза. В растерянности смотрят друг на друга.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А сколько директоров сменилось в театре!

ФЕДОРЧЕНКО. Я как-то даже познакомился с человеком, который, спасаясь от этой должности, на месяц залёг в стационар. И изображал чуть ли не смертельно больного – до тех пор, пока не отсверкали молнии и не нашёлся очередной камикадзе.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А тут – нате вам, здарсьте – я со своей статьёй, утверждающей, что театр должен спасать не директор, а главный режиссёр... Слушай, Юрьевич, а почему так получалось: от должности директора шарахались как от огня, а на должность главреж бросались как на амбразуру?

ФЕДОРЧЕНКО. Сам не знаешь? Амбразура – это как раз должность директора. Для неё Александром Матросовым надо быть. Другое дело – главреж! Кто газетчикам интервью даёт, а артистам – роли, не догадываешься? А что такое артист без роли? Каждому аплодисментов хочется! И чем бездарнее – тем больше хочется...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Зато мой театральный роман вышел на новую ступень. Степовой приглашал меня на репетиции, делился планами, спрашивал моё мнение, даже ввёл в художественный совет...

ФЕДОРЧЕНКО. Стоп, спрашивал мнение?.. Нет, это ты в запале ляпнул. Не было у него такого обыкновения – спрашивать. Скорее – диктовать.

Мизансцена театра марионеток: Федорченко и Степовой. Говорят кукольными голосами.

СТЕПОВОЙ (наседает на собеседника). Каким мы хотим видеть театр? Музейным экспонатом, который хранится в застеклённой витрине и бережёт в себе дух далёкого прошлого? Но тогда не надо спускать театру финансовый план, требовать кассовых сборов! А если нужны сборы – не надо превращать театр в музейный экспонат! Только новые постановки, только современность – может быть, один-два классических спектакля, как фирменный знак театра, а в остальном – только премьеры, премьеры, премьеры!..

ФЕДОРЧЕНКО. Как вы правы! И ведь такие примеры есть. Паневежис хотя бы!

СТЕПОВОЙ (*с воодушевлением*). Да, маленький Паневежис. Маленький театр. Но десять-двенадцать премьер в год! Горожане, спешащие увидеть каждый новый спектакль! Полные залы, гастролы, известность на всю страну!..

ФЕДОРЧЕНКО. И вы уже наверняка готовите первую такую премьеру!

СТЕПОВОЙ (*размахивает рукописью*). Вот она, эта пьеса – пьеса, с которой я начну как главный режиссёр! (*Федорченко-марионетка заглядывает ему через плечо.*)

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*в живом плане*) Но когда я увидел, с какой пьесы он собрался начать, я буквально подпрыгнул от неожиданности.

ФЕДОРЧЕНКО-марионетка (*подпрыгивает и зависает в воздухе, беспомощно шевеля конечностями*). Николай Николаевич, а вы уверены, что именно это вам нужно?

СТЕПОВОЙ (*тоже взмывает в воздух, но не становится беспомощным – ведёт диалог ещё активнее, «сверху вниз»*). Именно это!

ФЕДОРЧЕНКО (*с сомнением*). Но ведь спектакль по этой пьесе шёл уже почти во всех театрах! Он стал классикой! Есть блестящая экранизация – наверняка её многие видели! И что будет? Наш зритель будет сидеть и невольно сравнивать – и то не так, и это не этак...

СТЕПОВОЙ (*взвивается ещё выше*). Но дорогой мой, Александр Юрьевич, вы ведь ничего не понимаете! Разве вы не знаете, что сам великий Безнадий-Ламповецкий начал именно с этой пьесы и ею сделал свой театр знаменитым! И теперь эта же пьеса возродит и наш театр!

Живой план.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я слушал с сомнением и надеждой. А вдруг! Вдруг я вижу перед собой нового, ещё неизвестного городу и миру, Безнадий-Ламповецкого?! Спектакль вышел. И я признал, что был не совсем прав. Вдруг заиграли актёры, на которых я уже готов был поставить крест. И в целом спектакль был неплох... Или это только казалось после нафталина, которым театр дышал прежде? Или Степовому удалось так загипнотизировать меня сладкими речами?..

ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь один недостаток существовал, это уж точно.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Один?

ФЕДОРЧЕНКО. Но самый существенный: спектакль был сделан по уже известному образцу. Да что там! Был просто передран с известного образца!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И всё же я написал положительную рецензию. Потом – ещё две-три.

ФЕДОРЧЕНКО. От наваждения типовых рецензий я избавился. Зато теперь меня мучили другие комплексы.

Молодой Федорченко берёт стул, спускается в зрительный зал, решительно ставит в проход у первого ряда, садится; Федорченко садится на стул у края авансцены.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я сидел в партере и смотрел спектакль, когда меня легонько толкнули в бок.

ФЕДОРЧЕНКО. «И вы это смотрите?» – сочувственно прошептал сосед справа.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я пожал плечами и прошептал в ответ (*исполнитель роли оборачивается и говорит всему залу*): «Помоему, вы тоже».

ФЕДОРЧЕНКО. «Я! – внезапно разозлился он. – Да на это же смотреть противно! Они же в стельку пьяные, по сюжету. А они что вытворяют! Или они действительно в стельку?! Артисты...»

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я отвернулся, но скоро почувствовал новый толчок.

ФЕДОРЧЕНКО. «А этот что делает? Смотреть же противно! Актёришка! Он же к ней с гнусными намерениями пришёл. Так давай! А он чего?.. Или у него никогда гнусных намерений не было?»

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. На сцене шла комедия. Рядом со мной разворачивалась драма.

ФЕДОРЧЕНКО. «Вы посмотрите только! Это она так сопротивляется! Смотреть же противно. Актрисочка... Она что, не сопротивлялась никогда?»

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Моих ответов он не ждал.

ФЕДОРЧЕНКО. А этот что изображает? Он же под поезд кинуться собрался. Актёр называется! Он что, под поезд никогда не кидался?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Улучив момент, я сочувственно прошептал прямо в его большое ухо: «Вы, наверно, режиссёр?..»

ФЕДОРЧЕНКО. «Режиссёр?! – взорвался он. – Да если хотите знать, всего противнее здесь – режиссура! Ну взялся ты ставить про

бомжей – ставь! Но так, чтобы жизненно было! Или он бомжем никогда не был?»

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*возвращается на авансцену*). «Послушайте, – не выдержал я, – в конце концов!.. Если не нравится, можете просто уйти».

ФЕДОРЧЕНКО. «Могу, – согласился он уныло. – Только зачем? Самое противное, что мне на всё это ещё и рецензию писать».

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. «Какую рецензию?» – не понял я.

ФЕДОРЧЕНКО (*эмоционально, показывая, что персонаж, которого он изображает, выходит из себя*). «Как это какую? Ясно же какую! Положительную».

(Пауза.)

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да, нелёгкое это дело – дружить с театром.

ФЕДОРЧЕНКО (*с улыбкой*). А ты с ним дружил?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ну...

ФЕДОРЧЕНКО. Вот именно: баранки гну! Это ты с ними дружишь, но они-то тебя – используют...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но тогда я этого ещё не понимал...

ФЕДОРЧЕНКО (*смеётся*). А репризу про положительную рецензию не ты написал?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ну...

ФЕДОРЧЕНКО. Нет, нутром, наверно, я это и тогда чувствовал, жаль только, что понял поздно... А так... Сколько раз приходилось буквально балансировать над текстом, как канатоходец над бездной: один неверный шаг, одно неточное слово – и всё, ты летишь вниз. Ну сделали они новый спектакль – ну и что?! Смотреть, в общем, можно. Но ведь можно – и не смотреть. И ровно ничего не потеряешь...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь это твои друзья... Они ждут положительной рецензии...

ФЕДОРЧЕНКО. И ты пускаешься во все тяжкие: домысливаешь то, чего не было ни в пьесе, ни тем более на сцене: смотри, дескать, зритель, ведь в подтексте это есть!.. В подтексте...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но разве не положительных рецензий ждали редакции газет?

ФЕДОРЧЕНКО. Чаще, чем ты думаешь. И мне случалось слышать: «Если что-то не понравится, не пишите слишком резко». Ведь и в начальственных кабинетах с высокими потолками ждали

положительных рецензий: вот ведь, не зря старались – пришёл новый руководитель и театр пошёл на подъём...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*вновь спускается в зал, идёт между рядами, говорит с интонацией ярмарочного зазывалы.*) Кому положительную рецензию?! Кому положительную рецензию?! Вам? (*Надевает на головы зрителям шутовские колпаки.*) Вам?.. А вы сами – что, не аплодировали тем спектаклям? Ах, из вежливости? Тогда и вам – колпак! Натё! И вам, и вам, и вам!.. Ну, кто ещё не околпачен?! (*Надевает на себя клоунскую маску, возвращается к сцене, собирая по дороге розданные колпаки.*) Поигрались? Хватит! Отдавайте назад! Не только вам нужны положительные рецензии. Их ждут всюду – в Конотопе, Саратове, Бердянске, Херсоне, Луганске... (*Возвращается в образ.*)

ФЕДОРЧЕНКО. Но одна ласточка весны не делает. Что-то всё равно было не так. Степовому отказали в приёме в партию – а без партбилета он мог оставаться всего лишь **ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ** главрежа. Театр всё больше напоминал корабль, плывущий чёрт-те куда без руля и без ветрил. Какие-то странные слухи ползли по городу.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я попытался поговорить об этом с Нелей Владимировной, но неожиданно нарвался на холодную реплику: «А кто виноват, что Степовой оказался бездарным режиссёром?..» Я замер. Это было её мнение? Или она передала то, чего я сам ещё не знал (*говорит с акцентом, голосом Фрунзика Мкртчяна*): «Товарищ Степовой не оправдал оказанное ему высокое доверие...» «Зачем же вы втянули меня в эту авантюру?!» – захотелось крикнуть мне. А кричать, наверно, следовало – «Зачем я, дурак, полез в эту мерзкую историю?!»

ФЕДОРЧЕНКО. О том, что Степового «ушли», я узнал из третьих рук. Смешно это или нет, но была использована та же схема, которая привела его в главные режиссёры, – безжалостная газетная публикация, к тому же не у нас, а в столичной газете (куда более безжалостная, чем то, что написал я, когда готовились «уйти» главрежа Кравченко) и отставка. Мне оставалось только радоваться, что сам я не имел ко всему этому ни малейшего отношения...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Пришедший следом Семён Борщинский стал первым в истории городского театра не просто главрежем, а художественным руководителем.

ФЕДОРЧЕНКО (*возвращается за стол, пишет и говорит одновременно*). Тоже интересная история, между прочим. В стране бесчинствовала горбачёвская перестройка. Партия, которая всё ещё оставалась одна, – а многие говорили: и правильно, двух партий нашему народу не прокормить! – решительно боролась за трезвость. Но многокилометровые очереди выстраивались почему-то не у касс театров, а у винно-водочных магазинов. Зато пресса захлёбывалась от восторгов: гласность, плюрализм, реформы, демократия, консенсус! Верной дорогой идём, товарищи, и как только возобладает новое мЫшление!.. Видимо, и где-то в кабинетах с высокими потолками возобладала новая мысля: если объединить в одном лице должности директора и главного режиссёра, в театре будет больше толку.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А это, Александр Юрьевич, уже исключительно твоя часть истории.

ФЕДОРЧЕНКО. Да, Саша, как говорят сегодня – эксклюзив.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Не пора ли и мне порадоваться, что я не имел к этому отношения?

ФЕДОРЧЕНКО. А чему? Новые ветры веяли над новой страной. И пресса подпевала тем, кто её разваливал: экономика, инвестиции, народ, мажоритарный, электорат, рынок, отечественный производитель, народ, блок, партия, фракция, народ, демократия, рейтинг, опрос, компромат, народ...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ты тоже – подпевал?..

ФЕДОРЧЕНКО. Да нет. Пожалуй, что нет. Да и наша газета занимала сдержанную позицию. Но остальные-то надрывались! «Мы наш, мы новый мир построим!..» А что не сможем сами – запад поможет! Даст – от щедрот своих! – кредиты, новейшие технологии, возьмёт за шкирку да потащит туда, куда и не мечтали. И как же будет замечательно, если придёт на наши предприятия новый, ЭФФЕКТИВНЫЙ СОБСТВЕННИК...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И приходили?

ФЕДОРЧЕНКО. «Эффективные собственники»? Ещё как! И первым делом отправляли всех в неоплаченные отпуска. И пока вчерашний гегемон ходил вокруг обретших новое мЫшление мэрий с самодельными плакатиками – «Дайте работу!», «Отдайте зарплату!» – бригады сварщиков под корень срезали в цехах оборудование, любое, всё, и ненужное, и самое дорогостоящее, а эффективный собственник сплавлял его на запад по цене металлолома. Потом продавал корпуса под склады или магазины и сам исчезал в неизвестном направлении...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Александр Юрьевич, раз уж ты историю города Глупова пишешь, рассказал бы заодно и о градоначальниках – как Михаил Евграфович.

ФЕДОРЧЕНКО. А что о них рассказывать?.. Хотя... ты прав. Не на одно же лицо они были. Один, представляешь, повёл народ на штурм здания, в котором заседал сам губернатор.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да ты что! И успешно?

ФЕДОРЧЕНКО. Нет, губернатор к ним не вышел, прислал заместителя.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Это, наверно, потому, что у восставших «Авроры» не было. Чтобы из главных калибров по верхним этажам шарахнуть...

ФЕДОРЧЕНКО. Другой сам подвергся народному штурму – когда городской совет заседал.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Здорово! Народ победил?

ФЕДОРЧЕНКО. Да нет. В суматохе градоначальник позвонил захвосту, тот отпер запасной выход, и градоначальник с ближайшим окружением успешно ретировался.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Это потому, что у восставших «Авроры» не было, чтобы из главных калибров шарахнуть...

ФЕДОРЧЕНКО. Третий над городом Ангела-хранителя поставил на столпе. Причём на проспекте, который именовался Коммунистическим.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А это как раз потому, что «Аврора» была... в 1917-м...

ФЕДОРЧЕНКО. Четвёртый или пятый поставил памятник основателю города. Но забыл указать его фамилию. Зато свою указал – дескать, вот он я, кто памятник поставил.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да, тут бы и «Аврора» не помогла...

ФЕДОРЧЕНКО. Зато лет через сто все будут думать, что это памятник тому самому градоначальнику, чьё имя на постаменте.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А что было с театром при них?

ФЕДОРЧЕНКО. А театр был сам по себе. Сменил Борщинского Аристарх Переверзий. И в театре возникла революционная ситуация.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ух ты! А «Аврора» у них была?

ФЕДОРЧЕНКО. Да ничего у них уже не было! Понимаешь, это были девяностые годы.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Уже девяностые?

ФЕДОРЧЕНКО. Угу. Актёрам, как и всем прочим, месяцами не платили зарплату. А деньги на глазах обесценивались.

Представляешь? Человек получил зарплату, побежал, счастливый, в магазин и обнаружил, что может купить только булку хлеба и банку килек... Поэтому на смену слову «деньги» пришло слово «бартер», натуральный обмен. Бедняги-актёры пускались во все тяжкие. Кто-то подрабатывал грузчиком, тем ещё деньгами платили и сразу, а потом играл спектакли с надорванной спиной. Кто-то... блин, самому повторить страшно... учился лягушек ловить...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ну да, ведь французы их едят...

ФЕДОРЧЕНКО. Театр давал спектакли в колхозах – в тех, которые ещё держались, – получая «бартером» продукты. Львиная доля, была уверена труппа, доставалась худруку, главбуху и нескольким приближённым.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А остальные могли и лягушек жрать?..

ФЕДОРЧЕНКО. Сам знаешь, актёры как дети. Но могут быть и сукиными детьми. Вот они и роптали, требовали гласности, вмешательства прессы и высокого руководства. Мне даже показалось, что впервые в истории театра пытались показать, что не всё зависит от директора или главного режиссёра. Что есть и третья сила – труппа.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Они бы почаще это вспоминали, когда на сцену выходят...

ФЕДОРЧЕНКО. Зато худрука не щадили. И ест слишком сытно, и репетиции ведёт «не так».

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ещё бы. Голодный сытого не разумеет...

ФЕДОРЧЕНКО. В театре чуть не каждый день проводились собрания – профсоюзные. Прежних партийных организаций давно нигде не было. Актёры, пусть не вся труппа – конечно, не вся! – хотели другого худрука...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Угу. Басня Эзопа – «Лягушки, просящие царя»...

ФЕДОРЧЕНКО. Я сделал одну-две публикации о ситуации в труппе, а затем... меня перестали пускать в театр. Ну и... я самоустранился...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Самоустранился?!

ФЕДОРЧЕНКО. А мне и без театра было о чём писать. О трудовых коллективах, которые становились заложниками в перделе собственности, об идущих на дно предприятиях... Хотя всё чаще ощущал себя мальчиком, который пытается пальцем заткнуть пальцем дырку в плотине...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ну да... Не затыкать – нельзя, а верить, что сможешь заткнуть – самонадеянно.

ФЕДОРЧЕНКО. А пресс-конференции!.. А интервью!.. А брифинги!.. И ты вроде бы честно делаешь свою работу...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Это ты делаешь её честно! Но если высокие и самые высокие должностные лица беззастенчиво врут на голубом глазу – что получается? (*Исполнитель вновь надевает клоунскую маску, говорит залу.*) Эй, ребята, вам колпаки раздать или сами наденете?!

ФЕДОРЧЕНКО. Зато следующий худрук нашёл свой рецепт. Театр по колхозам больше не ездил, да их и не осталось уже, – его здание сдавалось для корпоративов, на которые оказались падки владельцы частных фирм, новые хозяева жизни.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ты смотри, а тридцать лет назад и слова такого не было! Впрочем, я догадываюсь...

Вдвоём разыгрывают репризу.

ФЕДОРЧЕНКО. Господа, вы же не понимаете! Это вам не занюханый кабак, это ТЕАТР! Там не только БУФЕТ. Там – ещё и СЦЕНА!!!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И между третьей и четвёртой и между седьмой и восьмой вам с неё ещё что-нибудь покажут! (*Партнёру.*) А что, кстати, покажут – два притопа, три прихлопа?

ФЕДОРЧЕНКО. Высокое искусство. Капустник называется.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Да уж в капусте они, которые на сцене, толк знают!

ФЕДОРЧЕНКО. Нет, не в той, которую мы им отстегнули, а по системе Станиславского – с молодых ногтей зелёный самогон пьют и цветной капустой закусывают.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. На худой конец – белокочанной.

ФЕДОРЧЕНКО. А какие там ложи, господа, – ассоциацию просекаете?! Нет, между одиннадцатой и семнадцатой ничего показывать не будут – там же ложи, господа! Вы только, если что, господа, уборную с грим-уборной не перепутайте...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Жизнерадостно... А артисты что?

ФЕДОРЧЕНКО. Роптали, конечно: «Это он собственное финансовое благополучие улучшает...» Но вполголоса уже роптали...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. К прессе и высокому руководству уже не апеллировали?

ФЕДОРЧЕНКО. А им, похоже, зарплату начали платить ...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Терять её не хотелось?..

В кабинет неспешно входит Сергей Васильевич. Молодой Федорченко удаляется на второй план, оставаясь безмолвным свидетелем.

ФЕДОРЧЕНКО. Сергей Васильевич? Не ждали...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Здравствуйте, здравствуйте, Александр Юрьевич.

ФЕДОРЧЕНКО (*немного нервно*). Да дважды уже здоровались. Опять будете уговаривать пьесу написать?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А почему бы и нет, почему бы и нет, Александр Юрьевич? Кому как не вам, готовому драматургу, как говорится, автору двух пьес...

ФЕДОРЧЕНКО (*перебивает*). Которые даже не поставлены!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Отговорки, Александр Юрьевич. Поставят третью – и первые две с руками оторвут.

ФЕДОРЧЕНКО (*зажигается*). Самое смешное, Сергей Васильевич, что я уже и сам вижу, как можно её написать! Вот только...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Никаких только! Пишите!

ФЕДОРЧЕНКО. А у меня встречное предложение – чтобы вы её написали. А я вам идею подарю...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Смеётесь?!

ФЕДОРЧЕНКО. Конечно, смеюсь – над самим собой. Но вообще хорошо, что вы пришли, я как раз звонить вам собирался...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. По поводу?..

ФЕДОРЧЕНКО. Помощь нужна. Кого-то, кто в теме. Первое. Насколько сегодняшней театр может считаться наследником дореволюционного? Второе. В чём и как проявлялась его преэминентность по отношению к театру, наследником которого он считается... если проявлялась?..

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так просто? Александр Юрьевич, дорогой, да ответ-то лежит на поверхности – просто его видеть никто не хочет!

ФЕДОРЧЕНКО. Сергей Васильевич! Вот он я, перед вами, человек, который хочет знать ответ!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да просто всё, Александр Юрьевич. Понимаете, что произошло... Да что за чепуха! Все это понимают! Дореволюционную труппу, которая была гордостью города, развеяла по ветру гражданская война, на её место пришли совершенно новые люди, их и решили считать наследниками, потому что они играли на тех же подмостках. Но ведь на самом же деле даже здание дореволюционного театра никогда не было базовой площадкой той прославленной труппы. Это был антрепризный театр, а наша знаменитая бродяче-гастролирующая труппа – лишь одной из антреприз, которой он предоставлял сцену. При чём тут преэминентность?! В чём она, если знаменитая Гранд-Опера купца Зозулина имела к знаменитой труппе только косвенное отношение, а сама знаменитая труппа канула в вечность?..

ФЕДОРЧЕНКО. Кстати, про «Гранд-Опера». Все эти разговоры, что интерьеру театра хотят вернуть его дореволюционный облик, они всерьёз?..

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да. Если государство даст денег. Местный бюджет реконструкцию не потянет... Вот только всё это напоминает мне старый одесский анекдот. Не слышали?

ФЕДОРЧЕНКО. Смотря какой.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Про публичный дом, который перестал прибыль давать. Ну, нагнали туда специалистов по научной организации труда, по эргономике, по дизайну – стены перекрашивают, интерьер меняют, трудовой процесс хронометрируют, фасад реконструируют... А тут идёт мимо старый одессит. «Ребята, а что это вы тут делаете?» – «Не мешай, дед, наука работает!» – «Да уж, наука! Лучше бы спросили тех, кто понимает». – «Да что ты, дед, понимаешь?» – «Да то и понимаю: бесполезно фасады красить и кровати двигать, когда пора девочек менять...»

ФЕДОРЧЕНКО. Ха-ха-ха!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Именно что «ха-ха-ха». А хотите ещё одно «ха-ха-ха»?

ФЕДОРЧЕНКО. А есть ещё?..

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да вы что? Неужели не слышали про проклятье купца Зозулина?

ФЕДОРЧЕНКО. Какое ещё проклятье?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот те на! Купца-то Зозулина после революции шлёпнули в подвалах ВЧК, в двух шагах, между прочим, от его Гранд-Опера. А он как закричит перед расстрелом: проклинаю, дескать, и вас, и всё, что для этого города построил. Не будет, дескать, у вас ни в чём удачи!..

ФЕДОРЧЕНКО. Вы это всерьёз?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да я-то, может, и не всерьёз. А вы попробуйте хотя бы одну ночь в его бывшей Гранд-Опера провести...

ФЕДОРЧЕНКО (*с иронией*). А вы – пробовали?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, конечно. Мне нынешний директор театра рассказывал. Там вахтёры каждую ночь шаги слышат. То на сцене. То в партере. То на балконе. То за кулисами. Сколько раз уже милицию вызывали! Та придет, проверит – никого. Шаги – были. А никого! Ну и перестали вызывать – поняли: тень купца Зозулина по театру бродит... Лишь бы в дежурку не зашла... А некоторые считают – не один Зозулин там бродит. И тени великих режиссёров, чьи спектакли в этих стенах шли... И великих артистов, которые на этой сцене играли...

ФЕДОРЧЕНКО (*искренне смеётся*). Ну если и режиссёров, и артистов – не так всё плохо! Значит, жив ещё в старых стенах дух знаменитой труппы!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так это только ночью. А к утру рассеивается всё – ни следа! А вечером, как спектакль кончится и разойдутся все – так тут всё и начинается.

ФЕДОРЧЕНКО. Жалко, что только ночью.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А вы бы хотели и днём? То наша актриса-легенда в грим-уборной над судьбой нынешней труппы рыдает. То наш великий режиссёр-антрепренёр за кулисами сатанинским смехом заходится... Тут ведь каждый своё слышит. А некоторые считают, что великие предшественники и вовсе ни при чём...

Сцена вновь погружается в полумрак. Задник опять превращается в экран театра теней. Внизу возникает изображение здания – явно здания театра. Огромная чёрная фигура, возвышаясь над ним, делает руками страшные пассы. Вокруг неё вьются над зданием черти, ведьмы, домовые и прочая нечистая сила.

Что вместе с неприкаянной душой купца Зозулина в театр такая нечисть прорывается!.. Нынешний директор уже дважды в театр батюшку пригласал...

На экране возникает фигура батюшки, машущего кадилом и кропящего здание святой водой. Нечисть рассеивается. Но едва исчезает фигура батюшки – появляется вновь.

ФЕДОРЧЕНКО (*иронически*). С первого раза не помогло?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да и со второго помогло ли – никто не знает...

ФЕДОРЧЕНКО (*по-прежнему с иронией*). Ничего, зато реконструкция поможет...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, Александр Юрьевич, Александр Юрьевич! Взрослый человек, а в сказки верите! Ну дадут, положим, деньги на реконструкцию – и что? Да это будет самый грандиозный спектакль за всю историю нашей «Гранд-Опера». Вы вокруг оглянитесь, журналист: что ни строительство, что ни реконструкция – сколько денег оседает в карманах подрядчиков, липнет к рукам чиновников в виде «отката»... А самое главное – смысл?.. Ну вернут интерьеру его дореволюционный облик, ну получит город снова свою Гранд-Опера в миниатюре – для нынешней труппы это будет иметь какое-то значение? Ну придут они в новые стены. А зачем? Снова щёки надувать – мы наследники, мы преемники?! А мы?.. Мы по-прежнему будем делать вид, что это театр?.. А разве не это мы делали прежде? Не мы аплодировали на премьерах? Не мы писали положительные рецензии?.. А по-настоящему преемственность и раньше существовала только на словах. Поздно фасады реставрировать и кровати двигать, когда пора девочек менять... (*Звучит вызов мобильного телефона, Сергей Васильевич достаёт трубку, слушает; театр теней меркнет, зажигается полный свет.*) Да?.. Сейчас же еду!

ФЕДОРЧЕНКО. Что случилось?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А вы не верите в проклятие купца Зозулина! Директора театра с инфарктом увезли!

ФЕДОРЧЕНКО. А вы?..

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Еду! За ниточки дёргать, педали нажимать... Спасать человека. До свиданья (*уходит*).

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*выходит на первый план*). Печально.

ФЕДОРЧЕНКО. Да. Даже не знаю, сразу эту информацию вставить или...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Или! Ты – да не знаешь! Завтра уточнишь, доложишь главному редактору и напишешь отдельную коротушку. В местные новости...

ФЕДОРЧЕНКО. Да, конечно. А сейчас – статью добить. Давай, Саша, совесть моя, в уголок куда-нибудь, в другой раз приходи.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Подожди, Александр Юрьевич! Доскажи историю – тебе это всё равно для статьи нужно...

ФЕДОРЧЕНКО. А досказывать уже и нечего. Худруки в театре продолжали меняться.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А ты?

ФЕДОРЧЕНКО. Да и я, наверно, менялся – хотя и в другом смысле. Иногда всё-таки приходил в театр...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И тебя пускали?

ФЕДОРЧЕНКО. А почему нет? Покупал билет в кассе и, стараясь остаться неузнанным и незамеченным, проскальзывал в зал...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*в восторге*). Юрьевич! Шпионский роман! А потом тебя разоблачили!..

ФЕДОРЧЕНКО. Не успели – я их разоблачил. Понимаешь, время менялось, зарплату в театре платили вовремя, деньги не обесценивались, спектакли ставились, кто-то писал на них рецензии...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Ты тоже?

ФЕДОРЧЕНКО. Уже нет. Я ждал...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*ёрничая*). Что разоблачат?

ФЕДОРЧЕНКО. Что в театр вернётся театр.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И?..

ФЕДОРЧЕНКО. А он всё не возвращался... Несколько раз было – уходил после первого акта. А потом, на одном из спектаклей, о котором мне кто-то сказал, что это нечто выдающееся, получил такой заряд негативных эмоций...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А может быть, это и было задумано режиссёром? Сопереживание. Катарсис!

ФЕДОРЧЕНКО. Катарсис, говоришь? Я тоже знаю это слово. Но, скажите (*обращается к залу*), какой катарсис, какое очищение, если есть боль, но нет надежды на облегчение?! Да, мне плохо без театра. Но пусть лучше будет плохо без театра, чем плохо – от театра...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Это тебе, а другим?..

ФЕДОРЧЕНКО. Да не только мне – всему городу плохо без театра! Но почему столько раз за тридцать лет возникало ощущение, что театру – и без города хорошо? Идёт зритель, не идёт – да какая разница! Наш театр – колыбель? Колыбель! Руки прочь от колыбели!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Подожди. И мне когда-то, да и тебе, наверно, тоже – разве ни разу за эти тридцать лет не начинало казаться, что вот оно, вот сейчас! Что театр перестанет быть раритетом, экспонатом, символом – да, дающим городу право гордиться своим славным прошлым... но... которого, если честно, всё равно толком никто не помнит...

ФЕДОРЧЕНКО. Креститься нужно было, когда казалось! Да толку-то! Может быть, и возникало – ан нет! Раз-два – и снова они в колыбели! Да вы что! Это же колыбель! У кого на неё рука поднимется?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь театр, который не театр, а музейный экспонат – это неразрешимое семантическое противоречие.

ФЕДОРЧЕНКО. А что такое театр-наследник, который на самом деле, оказывается, ничей ни наследник? Это не двойное противоречие?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь театр-легенда семантическим противоречием не был. Остались имена и лица. Осталась память. Осталась часть нашей истории и культуры!..

ФЕДОРЧЕНКО. Да. И никто не имеет права перечеркнуть всё это. Но... слушай, Александр, а тебе не приходило в голову?.. Нет, тебе – не приходило. Мне самому только что в голову пришло: чтобы быть наследником не обязательно состоять в кровном родстве...

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО (*начиная понимать*). Пусть время распорядилось так, что у труппы-легенды не осталось прямых наследников. Но если кто-то хотя бы попытался подхватить её знамя...

ФЕДОРЧЕНКО. Попытался... А подхватил ли?.. И что значит – подхватить?..

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. И... только ли театр виноват, что попытки подхватить знамя проваливались?..

ФЕДОРЧЕНКО. А если не смогли подхватить – значит, самозванцы! А мы закрывали глаза – и всё равно называли их наследниками.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Я? Я – нет. Я не называл! Я просто писал рецензии.

ФЕДОРЧЕНКО. Вот и давай по-взрослому – как ты их писал, если видел все недостатки?

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. По-взрослому?.. Ну да, конечно, я писал о сильных сторонах спектакля...

ФЕДОРЧЕНКО. А о слабых – умалчивал! А значит – врал! Значит, давал им основания и дальше считать себя наследниками, хотя они ими не были!

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но ведь я – это ты!

ФЕДОРЧЕНКО. Вот именно! Значит, это я! Я... я тоже виноват.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Одних не хотел обижать, потому что дружил.

ФЕДОРЧЕНКО. Других – хотел поддержать и раздавал авансы.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. О тех – просили не рубить с плеча, и я не рубил.

ФЕДОРЧЕНКО. А город читал мои рецензии, шёл на спектакли, уходил разочарованный и зарекался ходить в театр вообще.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А всё, что было нужно, – это говорить правду.

ФЕДОРЧЕНКО. Писать не о том, что хотел сказать режиссёр, а о том, что у него получилось.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А если не получилось – почему. Была убогой пьеса? Его замысел? Или воплощение? Сам он бездарь или связался с бездарями, мнящими себя артистами?..

ФЕДОРЧЕНКО. Надо было бить наотмашь (*смеётся*), чтобы держать в тонусе всех – режиссёров, актёров, да и зрителей тоже. Чтобы знали – если Александр Федорченко говорит спектаклю «да», значит, завтра на нём будет весь город.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А если говорит «нет»?

ФЕДОРЧЕНКО. Нет, это не приговор – это требование: ребята, лучше надо работать, талантливее.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. А нет таланта – идите в грузчики, у вас получится.

ФЕДОРЧЕНКО. Театр – игра.

МОЛОДОЙ ФЕДОРЧЕНКО. Но игра в театр – профанация!

ФЕДОРЧЕНКО. А я... А они... А мы все... И опять я... Катарсис (*смеётся*). Проклятье купца Зозулина! А если я врал, недоговаривал или обманывал самого себя и пытался выдать желаемое за действительное, то оно, это проклятье, висит не только над театром – оно и надо мной висит!..

Резко меркнет свет. Огромная чёрная фигура на экране-заднике делает страшные пассы над Федорченко. Тени разнообразной нечисти заполняют не только экран, но и всю сцену и зрительный зал. Мечутся, воют, улюлюкают, визжат и свистят...

(Примечание для режиссёра: при желании можно одновременно выпустить на сцену и в зрительный зал ряженных чертенятами и прочей нечистью артистов – всю труппу, не занятую в основных сценах спектакля, но такое решение автор оставляет за театром и режиссёром.)

Страшные тени проносятся над головами зрителей, тянутся руками, когтистыми лапами и оскаленными пастьми к Федорченко. Трижды звонит телефон, перекрывая визг и улюлюканье нечисти. Наступает тишина. Тени исчезают. Восстанавливается полное освещение на сцене.

ФЕДОРЧЕНКО *(снимает трубку телефона на рабочем столе, со щелчком включается громкая связь)*. Слушаю, Федорченко.

ГОЛОС ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА. Что там у вас за чертовщина, Александр Юрьевич?

ФЕДОРЧЕНКО. Чертовщина? *(Оглядывается кругом.)* Никакой, Евгений Николаевич, чертовщины ... уже...

ГОЛОС ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА. Что – уже?! Я только что проверял почту. Вашей статьи до сих пор нет.

ФЕДОРЧЕНКО. Закончил уже. Сейчас отправляю.

ГОЛОС ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА *(мягче)*. Как вы её сами оцениваете?

ФЕДОРЧЕНКО. Сделал что должен.

ЗАНАВЕС

© Юрченко Анатолий Петрович, июль 2013 г.
г. Кировоград.

Автор напоминает о действующем законодательстве, об авторском праве и невозможности постановки пьесы без письменного разрешения правообладателя.

Контакты: т.моб. (+38) 066 144-04-02

E-mail: petrovichev@yandex.ru